

Десницкий Андрей Сергеевич

Здесь издалека (сборник)

Андрей Десницкий
Здесь издалека (сборник)

«Десницкий Андрей Сергеевич»

2013

Десницкий А. С.

Здесь издалека (сборник) / А. С. Десницкий — «Десницкий Андрей Сергеевич», 2013

В этот сборник включены десять рассказов современного российского писателя, публициста и ученого Андрея Десницкого. Это жизни наших современников: возвращение в город у моря, где ты был счастлив в юности, или встреча в московском метро российского офицера с чеченкой, когда обоим кажется, что видят они друг друга в первый раз. А еще это размышления о том, что произошло и что могло бы произойти в российской истории двадцатого века.

© Десницкий А. С., 2013

© Десницкий Андрей Сергеевич, 2013

Содержание

Здесь издалека	6
Осторожно, двери закрываются	13
Тихое и безмолвное житие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Десницкий Андрей Сергеевич

Здесь издалека

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Здесь издалека

Это, наверное, самое сладкое во всей поездке – когда, нагнувшись ступаешь на трап, и тебя обдаёт и теплом, и солнцем, и неповторимым крымским запахом, а московский плащ на руке болтается нелепой тряпкой. Ты продлил себе лето, пусть всего на несколько дней, и потом опять вернешься на промозглые дождливые улицы Москвы. Но здесь – еще лето, приятное, нежаркое, без толп курортников, свое. Немного лишнего солнца и моря впереди. И домой, как кажется, еще так скоро...

Партнер встречал его сразу за таможенной дверью. Про себя Семен так и называл его «партнером» – боров какой-то, вроде и не слишком толстый, но с тем же цепким и липким взглядом, как у тех таксистов, что ловят тебя чуть не у самого трапа и везут потом в город за десятичную цену. Только ставка тут покрупнее – гостиничный бизнес.

Боров уже приезжал в Москву, разговаривать с начальством, и много было и выпито, и сказано, но что начальство? Оно сопромат не изучало. А материал, он сопротивляется, и все ваши расчудесные бизнес-планы могут запросто упереться в его сопротивление. И бабло, всегда побеждающее зло, улетит в ржавые и слишком узкие трубы канализации, поплывет вместе с фундаментом. Так что планы планами, а без инженера советской еще закалки саду не цвести. И значит, лететь Семену, разбираться и с трубами, и с фундаментом. Стоит ли овчинка выделки, надо ли достраивать советского бетонного мамонта, трижды недостроенного, брошенного и растащенного по камешку. По бумагам выходило, что стоит, а вот как оно на местности?

Неожиданно вялое для такого большого и крепкого рукопожатие, дежурные приветствия:

– С приездом, Семен Степаныч! Как долетел? Ну, машина ждет! Не голоден? Если не против – сразу к нам, там и поужинаем. Сегодня можно отдохнуть, а завтра уж и на объект.

Знаем, знаем мы этот отдых. Староват он уже для него. Не сказать, что не нравится – просто вполне можно и без него обойтись. Уже давно отгорела для него удаль молодых самцов. Да, впрочем, в их компании это и смолоду не слишком ценилось. Всякое бывало, конечно, но не на то смотрели. Впрочем... может, не настолько уж зеленее была трава в его студенческие годы, только кажется теперь так?

Погрузились в машину, средней руки иномарку. За рулем водитель – показывают, что фирма серьезная – так что сели с партнером на заднее сиденье. И замелькали за окном залитые солнцем дома, дороги, люди в футболках и шортах...

А водитель включил радио. Какое-то очередное ретро на FM, песни советских времен. Интересно, это они на возраст его намекают? Или просто в моде тут советское? А впрочем, зачем придавать значение несущественным деталям. Просто радио и радио, ничего особенного. Пугачева, Антонов... Пусть.

Обменялись дежурными словами – как семья, как дети. А что семья – нормально все. Все в норме. Вроде, для проформы так говорится, а ведь и на самом деле все в норме. Норма, она уж какая есть, жаловаться не стоит. Люда на даче, как водится – с мая по октябрь в Москве только наездами, вроде как пишет там чего-то, а больше в земле ковыряется. Полюбила вдруг на пятом десятке все эти варенья да соленья, теплицы, яблони. И вправду ведь здорово у нее получается, если честно, да есть особо некому. Танька у мужа молодого, горячего, латиноамериканского, сплошной сериал в реальном времени. Митька тоже дома не ночует – сезон охоты на призывников открыт, и хоть с военкоматом договоренность вроде бы есть, но документы медицинские не все еще выправили, так что лучше поостеречься. А балбесу этому только того и надо – есть ночевки поинтересней домашних. Учиться ума не хватает, работать лень, а жить – оно и так неплохо получается.

Но не расскажешь же чужому человеку, какая она у тебя, норма? Скажем – все живы, здоровы, при деле. Без деталей.

– Что ж, Семен Степаныч, знаешь наш Город-то?

Знакомый стиль – на ты, но по отчеству. И неформально получается, и солидно. Ну что ж, поддержим.

– Знаю, Иван Викторыч, как не знать. Весь мир его знает. В Париже – целый бульвар его именем назван.

– Да что нам про Париж, – хохотнул партнер, – тут вон от Киева не знаем, как отбиться, особенно при новой тамошней власти. Гордость русских моряков – а во что превращают? Флот ваш уходит, а этот, жовто-блакитный – да глаза б на него не глядели. Что теперь с городом будет?

– Ну, без дела не останетесь, – рассудительно заметил Семен, – вон какие деловые люди, вроде тебя, в туристический бизнес ударились. Неужто не поднимете?

– Да поднимем, – вдруг посерьезнел партнер, – построим, что надо, почистим, отремонтируем... только это уже не тот Город будет, понимаешь? Мало ли их, курортных. А наш – один. Как тот Париж. Вот Диснейлэнд там построили, мои летали на каникулы (эх, как он это красиво ввернул – ненавязчиво так похвастался), а ведь – за городской чертой. Потому что Париж есть Париж. Ну ты представь Микки-Мауса вместо Нотр-Дама? Вот ровно так у нас и выйдет, с нашим бизнесом.

Ровно гудело шоссе, зеленели деревья по обочинам, и в Семене неожиданно проснулось теплое чувство к этому человеку, для которого любовь к родному Городу – выше всяких бизнес-планов. Впрочем, Город того стоил.

– А ведь я бывал у вас, – сказал Семен, – хотя кого этим удивишь. Много кто у вас бывал!

– Запомнил же? Сколько городов посетил, наверное, – а второго такого нет! – уверенно ответил партнер, да впрочем, что «партнер», можно его и Иваном, в конце концов, называть.

– Это верно, – кивнул Семен, – давно это было... Вот погоди... что по радио сейчас идет... тогда как раз пели.

Звенел хрустальный голос Анны Герман; тогда его тоже передавали по поезвному радио. Так и запомнился он один из всей той мути, которой забивали уши: душный плацкартный вагон, пропыленная степь, за которой уже встают голубые горы – вот прямо как сейчас – и тебе двадцать лет, и ты студент, и кажется, уже влюблен вот в эту девчонку с нижней полки, и все только начинается, а тебе поют про взлетные огни аэродрома и синие московские метели... Далекое-далекое, а такое понятное, родное. Эта песня у них с Людой долго так и называлась – наша. И Город долго называли – нашим, и приезжали потом на лето, и Таньку, и Митьку вывозили.

– Тоже ее люблю, – неожиданно согласился Иван, – подпел бы, да не хочу портить.

Замолчали оба и слушали.

Ты поверь, что здесь издалека
Многое теряется из виду,
Тают гроззовые облака,
Кажутся нелепыми обиды.
Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы.

Спокойным и упрямым – это да, подумал Семен. Это уж точно мое.

– Отдыхать приезжал? – спросил Иван.

– Что?

– Ну, отдыхать сюда приезжал?

– Да нет, сначала, представь себе, копать...

– Что копать? – не понял теперь Иван.

– Раскопки. Девчонка знакомая уговорила, жена моя будущая, хотя я об этом еще не знал – уговорила нашу студенческую компанию на лето податься в археологическую экспедицию. Как раз к вам. Море, солнце бесплатно, еще и заработаем немного... Да не в том дело. Молодые были!

– Ну, – согласился Иван, – по молодости – самое оно. Да и время такое было.

Время-время... Ну что им попрекать! Не худшее, между прочим время.

Они тогда дотряхали в этом семьсот веселом до конечной станции уже в темноте, и потом, похватав рюкзаки, бежали на троллейбус – а вдруг последний? Троллейбус с кряхтением карабкался в гору, а под горой мерцали в зеркале бухты городские огни, и загадочно чернели почти невидимые огромные сигары, про которые вдруг кто-то догадался жарким шепотом: «подводные лодки! настоящие!»

А троллейбус немислимо долго трясся, огибал памятники на круглых площадях, проползал вдоль белых зданий с колоннами, и они все жадилась ухватить еще кусочек черного провала в пятнах огней то по одну, то по другую сторону – ведь море же! море!

Наконец, добрались до нужной остановки – Дмитрия Ульянова, какая в любом советском городе может быть – и пешком, вдоль пустырей и каких-то совершенно прозаических домов, мимо поздних забулдыг и влюбленных парочек, мимо военно-морских ворот с красными звездами, и только на повороте прочитали: «улица Древняя». Надо же! Уже не Ульянова, а Древняя. А потом встала огороженная чугунным забором громада разрушенной крепостной стены, и их провели за забор через служебный вход, и не знали, куда деть, и искали завхоза, и не могли найти, и таскали они потом из какого-то сарая рваные и прожженные ватные матрасы. Их завели в крохотный сарайчик со скрипучими пляжными топчанами, велели покидать туда и матрасы и сказали: здесь. Вот тебе и романтика, подумал он тогда. Сыр в мышеловке, говоря прозой, или рабский труд с соответствующими условиями.

Ночь спали вповалку, кто как пристроился. Проснулся он на рассвете, понял, что уже не уснет, вышел на двор. Вышел – и замер. Еще свежая, зеленая степь, и маки, красные маки повсюду, за степью и маками светились мрамором античные колонны, а за колоннами блестело утреннее море. Ради этого стоило ехать сюда, ворочаться на матрасе, стоило... стоило просто родиться в этом мире. Люда, не сговариваясь, вышла тогда сразу за ним – тоже не могла спать, и тоже ахнула. Они сразу побежали купаться – прямо под колоннами. Голышом, конечно, как Люда сама предложила – не доставать же купальники из рюкзаков, да и не было там никого! Сначала не смотрели друг на друга, а только на светлый горизонт и мрамор на берегу – сначала...

Так осталось это у них навсегда – маки, колонны, море, и двое на всем белом свете. Это называлось – Херсонес.

Кажется, партнер что-то оживленно рассказывал. Ах да, оранжевая метла по новому метет, выметает из Крыма остатки автономии. Ну да. В самом деле, безобразия.

– Вот не пропил бы ваш Ельцин наш Город – возмущенно добавил Иван, – так его бы хохлы сами б на блюдечке поднесли, если б вовремя поставить условие: мы вам независимость, а вы уж нам отдайте наше, не шалите. Нет, куда там... А теперь-то что! – раздраженно махнул он рукой.

– Эт точно, – согласился Семен то ли со своими мыслями, то ли с собеседником.

Так и ехали среди виноградников, полей и холмов, пока не встала у дороги фигура исполинского раненого солдата, и не вспыхнула следом за ней белокаменная надпись – «Севастополь».

А Иван тем временем свернул разговор в деловое русло – что и как там на объекте, пересказывал, в общем-то, уже знакомую документацию. Семен слушал его вполуха, а сам всмат-

ривался в пейзажи, виденные в молодости и не сильно с тех пор изменившиеся. Вот Инкерман с его квадратами каменных карьеров, изрезанная скала с пещерным монастырем – да и сам монастырь восстановили? А они, бывало, лазили по его развалинам! А вот и мост через Черную речку, самое начало Севастопольской бухты, и видны вдалеке корабли на рейде, но только стало их, кажется, меньше. Намного меньше.

– Да, а что же пропуска, не проверяют теперь? – спохватился Семен.

– Какие пропуска?

– Ну, в погранзону. Раньше же было не въехать без приглашения.

– А-а, – усмехнулся Иван, – давно уж этого нет, да и что скрывать, от кого? Натовские корабли и так чуть не каждый год визиты наносят.

А ведь первый иностранный корабль в Севастополе – это он тоже застал, в девяностом году. Еще всю спрашивали пропуска, еще было здесь особое снабжение, не хуже Москвы, а уже, вестник нового мышления, бросил в самом центре якорь итальянский корабль, и повалили на берег матросы в чудной форме, а к матросам – девушки. Весь Город жил новостью об этом корабле, и еще не видел в нем начало своей новой судьбы.

Кажется с тех пор... да, как раз с тех пор он тут и не был.

А машина уверенно взбиралась по зеленым холмам, и журчал Иван про свой объект, и ушедшая молодость словно таилась где-то неподалеку, и уже не коснуться было ее рукой... А потом потянулись улицы и улочки из белого и желтого камня, все в зелени и морском ветре, засверкала поодаль вода. Машина нырнула в небольшой проулок где-то у самой Артиллерийской бухты, остановилась у подъезда недавно отремонтированного частного дома. Домик этот удивлял своей нарочитой заграничностью среди потрепанных, но чистых соседей.

– Частная гостиница, – с видимой гордостью сказал Иван, – тоже наша. Бывшая коммуналка, теперь – четыре элитных номера, по пол-этажа каждый. Здесь и разместишься.

– Спасибо.

– Ну что, Семен Степаныч, располагайся, напитки там, минибар – все в твоём распоряжении, все включено. Отдохни с дороги. А часика через полтора – не рано? – подъеду, немного Город покажу. Ну, а потом – ужин на даче, и парилочка у нас еще запланирована. Ты как насчет парилочки? Устраивает такое расписание?

Нет, попариться-то как раз Семен любил. Но именно попариться. А этот масляный взгляд... Ну да, столичного гостя надо задобрить, да и крутизну фирмы показать.

– Иван Викторыч... знаешь, не советуют врачи парилку. Тем более, в первый день, смена климата, да все такое. У нас ведь уже осень. И потом... ты уж не обижайся, завтра я ваш с потрохами, а сегодня, дай мне сегодня одному с Городом повидаться, а?

Да и вообще не дело это – выпивон накануне осмотра объекта. Вот побываем там, замеряем, зарисуем, выводы сделаем – тогда и расслабляться можно. Но не раньше.

– Парилка-то у нас знаешь какая, – настаивал Иван, – да и девчат позовем, ты как думаешь... Или жена заругает? – неожиданно хохотнул он, нарушая субординацию.

Да, с таким только в баню и не хватало. Оттуда вообще не выйдешь, там и бумаги все подпишешь, между потной кружкой пива и румяным раком разложив. Впрочем, здесь наверняка крабы, а не раки – Семен аж слюну сглотнул от самой мысли.

– Жена? Доктора, говорю же: перемена климата!

А что жена? Жена на даче. Серебряная свадьба в следующем году. Это только свадьбы дорожают, от ситцевой до золотой, да там еще какая-то бывает, алмазная, что ли – для долгожителей. На самом деле золото остается в прошлом, и идут ему на смену серебро, и дерево, и ситец, и постылые грядки на даче, и телевизор со стереозвуком, и много чего иного. Девочки? Да вряд ли Людмилу интересует, с кем и когда он спит. Воображение, видимо, и так рисует ей куда больше, чем есть на самом деле.

И вообще неловко как-то с этими, которые по вызову. Ну, пробовал пару раз, начальство вроде как угощало. Технология, голая технология. Неужели, думал тогда про себя, девчонка со мной только за баксы пойдет? Да нет, не настолько еще стар, когда накатит глухое мужское томление – сам найду. Состоявшийся мужик в зрелом возрасте – это многим интересно.

– В общем, доктора не велят. А главное, Иван, соскучился я по вашему Городу!

Вот это Иван понял. И зауважал.

– Ну что, машину возьми тогда? А меня на Лазарева высадите, я доберусь.

– Машину...

На самом деле хотелось походить пешком. Но было, было одно место, куда пешком да на троллейбусах можно не успеть, уже ведь не утро...

– Вы меня только до места одного добросьте, чтобы мне успеть, а там уж я сам.

– Ну, хорошо.

Заскочил в номер, кинул наскоро вещи, даже евроремонт провинциальный оценить толком не успел. Переоделся, и под легкие брюки сразу плавки, чтобы потом не возиться. И – обратно, к гостям. Одно только им сказал:

– Херсонес.

Машина везла его по старому троллейбусному маршруту, и оказалось, что совсем недалеко те домики, те пустыри, та улица Древняя. Пройтись бы снова по ней пешком, потоптать этот потрескавшийся горячий асфальт, подышать воздухом этой милой сердцу провинции – греческой, римской, византийской, турецкой, российской, советской, украинской, – но вечно морской и степной, вечно окраинной. Но сегодня – некогда пешком.

Простился со своими провожатыми, пошел ко входу – а тут билеты, и только сейчас сообразил, что здесь расплачиваются гривнами. Хорошо, что и обменник нашелся совсем рядом. А потом по гладким, ухоженным дорожкам (таких тогда не было), толком не помня пути, рвался к тем самым колоннам. Удивлялся по дороге на конфетную громаду храма XIX века, что тогда стоял в руинах, пробежал мимо Итальянского дворика с его вечно неработающим фонтаном, музея – все, как прежде. А что это за хибара? Не та ли самая, в которой... нет, вряд ли. Или эта, неподалеку? А может, вообще ее снесли? В самом деле, не историческая ценность.

Зато к колоннам он вышел. А за колоннами было море, тоже на прежнем месте.

Удержался не побежать к нему по-мальчишечьи, а подойти размеренной походкой солидного человека. Море било легкой пеной в берега – небольшое волнение, но так только интересней купаться.

Семен разделся, проверил, не выпирает ли бумажник из кармана брюк, распрямился, взглянул на одежду – и тут только его стукнуло, что часы-то подороже всех купюр в бумажнике будут! Специально ведь к встрече одел парадные. Прикрыл часы рубашкой, вроде, не видно. Эх, вот ведь обратная сторона этой солидности – не поплещешься беззаботно, как тогда!

А тогда купались, намахавшись лопатой на жару – забегали в море, и кто там беспокоился об оставленных на гальке шортах со звонкой мелочью в карманах. До сих пор помнится это ощущение горячего, пыльного тела, и зеленой волны, в которой теряются усталость и зной. Плавали, кажется, часами.

Семен осторожно подошел по гальке к линии прибоя, и дал волне лизнуть ступни – вода оказалась неожиданно теплой. А потом рванул туда, вглубь, и волна сбила с ног, а он сразу нырнул в веселую зеленую круговерть, и поплыл к горизонту.

Море смывало не пыль и не усталость, оно смывало года. Он снова был счастливым мальчишкой, и невесомое тело скользило над невидимыми подводными горами и впадинами (жалко, нет под рукой маски – было бы еще больше похоже на полет!). Он наслаждался морем, как вином, как бывало тогда, долго-долго. А потом вышел на берег, и когда резко распрямился, даже потемнело в глазах – так привыкло тело к водной невесомости. Добрался до своей одежды, чувствуя себя русалочкой из сказки – тяжело ходить босиком по камням, да и вес лишний есть,

пора, в самом деле, в тренажерный зал, как давно приглашают на работе. А потом растянулся на камнях – немного неудобно, но зато совсем как тогда.

Где они теперь, ребята из экспедиции? Лет сто уже ни с кем не виделся, разве что мейл иной раз придет, с днем рождения поздравят. Леха стал банкиром, к нему и не подберешься. Да почти все ребята, кто устроился, теперь в бизнесе, и мало кто, как сам Семен, специалистами по своему профилю – все больше нечто расплывчатое, денежное под названием «менеджер».

И Люда. Люда теперь на даче. Где, в самом деле, та девчонка с парнишкой, которым так хорошо было на этом пляже? Куда они делись, как превратились в этих немолодых, уставших друг от друга супругов, которые вроде и не в разводе, а все одно порознь? Жизнь заела, говорят. Да ведь нормально жили, не хуже прочих, и детей двоих вырастили, и вообще...

А вокруг кипела неяркая пляжная жизнь. Девушка-подросток в купальнике-ниточках ругала за что-то младшего братишку, а он лениво огрызался и не хотел слушаться. Толстый мужик цедил темное пиво из бутылки. Стройный стриженный парень надевал у кромки прибоя ласты, держа в руках маску и трубку – за крабами, наверное.

Все, как тогда. Все, кроме нас самих.

Полежав немного, Семен снова бросился в море, никак не мог насытиться, и плавал чуть не до дрожи – во второй раз вода показалась холоднее, начал замерзать. Да и солнце уже опускалось за ближние холмы, а на опустевший пляжик напозла прохладная тень. Пора было выбираться. Он еще хотел пройти вдоль Приморский бульвар, а потом выйти на Исторический – перелистать страницы их былых прогулок, а там и поужинать можно в каком-нибудь кафе. Да и заповедник скоро должен был закрыться, наверное, с наступлением темноты.

Семен хотел взять у выхода такси, но потом решил пройти до троллейбуса пешком, как тогда. Древняя улица тоже изменилась, хотя и не так сильно, как его жизнь – между старыми двухэтажными домиками втиснулось пара новых отельчиков, вроде того, в котором остановился он сам (эх, жалко, не догадался спросить – может, это тоже его партнеров бизнес, тогда здесь бы и заночевал). Но все остальное оставалось, как было – бегали вокруг каникулярные дети, брели домой два выпивохи, которых пасли, как коров, несколько более трезвые жены. Это не Москва, здесь перемены почти незаметны.

Куда же оно все девалось? Нет, не молодость, конечно, это закон жизни, тут ничего не попишешь. А бывшие дружбы? А та пламенная любовь парнишки и девчонки под мраморными колоннами?

Так вышло. Просто так вышло. И не стоит задавать себе лишних вопросов.

На остановке было не так много народу, и оказалось, что, кроме троллейбусов, здесь тоже есть маршрутки, только называют их как-то смешно – «топики». За полторы гривны он доехал до площади Нахимова – и быстро, и комфортно, тогда бы нам так! Пошел по Приморскому бульвару, постоял у балюстрады, за которой чернело море в частых огнях катеров. Наверное, это и было счастьем – вот такой вот вечер в любимом Городе. Надо будет поменять билет, остаться здесь еще на пару дней – в конце концов, отгулы же остались.

Семен проголодался, но в положенное по статусу уютное кафе не хотелось – сжевал шаурму с лотка, запил ее разливным пивом, а на десерт взял с другого лотка мягкое мороженое в кокосовой крошке. Дешевый этот перекус показался бы в те годы чуть ли не торжественной трапезой, на фоне их вечной переваренной пшенной каши с тушенкой... Люда тогда еще совсем не умела готовить. Вот бы он, тогдашний, увидел себя сегодняшнего – состоявшегося и нестарого еще мужика, который уверенно идет по тому же самому бульвару... Что бы он тогда подумал, интересно?

Нет. Тогда не было этого «я», тогда у нас было «мы».

Семен спустился к самой воде, где ленивые мелкие волны разбивались о каменный парапет, обдавая брызгами проходящих. На самом краю стояли девушка и парень, и смеялись, держали в руках сандалии и то и дело отпрыгивали от нового веера брызг. Семен остановился

немного в отдалении, не хотелось нарушать их покой, и любовался не то волнами, не то этой парой.

Они о чем-то говорили, и, кажется, спорили, но за плеском волн и музыкой из соседнего бара ничего не было слышно. В какой-то момент невольно отошли подальше от края, и уже не обращали внимания на брызги. А потом парень развернулся и пошел, а девушка только смотрела вслед.

Дурак, захотелось крикнуть Семену. Да, вот нагнать бы парня и сказать ему: дурак, это все неважно, вы молоды и влюблены, этого же больше никогда у вас не будет, и через двадцать лет ты будешь ходить здесь, вот как я сейчас, и даже не сможешь вспомнить, из-за чего вы тогда поссорились. А вспомнишь только эти волны, теплый камень под босыми ногами, и живую руку в твоей руке. Живи настоящим, а слова не имеют значения.

Но свою голову на чужие плечи не посадишь. Парень уходил по набережной, и девушка перестала смотреть вслед. И вообще, с чего это он взял, что то была ссора? Просто настало им время разойтись, а завтра, может, встретятся опять, как ни в чем не бывало. А может, послезавтра найдут другое, настоящее, на всю жизнь. Чужую жизнь тоже ведь не проживешь.

Зато можно – свою. Семен поднялся обратно к балюстраде, и пальцы раньше мозга поняли, что надо делать – уже доставали с пояса мобильник, набирали знакомый номер. Сколько бы ни стоил этот треклятый роуминг, не искать же теперь переговорный пункт! По городскому ее не найдешь – на даче, среди яблок, такой урожай роскошный в этом году... Хотя теперь-то уже, затемно, сидит в спальне за столом, что-то пишет, или скорее на кухне перебирает райские яблочки – что на варенье, что живьем отвезти домой, когда муж из города приедет.

И каштановые волосы с проседью, которую она никогда не закрашивает, ложатся на такие знакомые плечи, а голос – голос ведь вообще не изменился. Или почти. Только бы она подошла! Только бы... У женщин ведь как – то разряжен, то все деньги потрачены, то у подруги забыла.

– Люда... Здравствуй. Знаешь, где я сейчас? На Приморском бульваре. Ну да, в Севастополе. Да нормально долетел, не в том дело. Людка, знаешь... я сейчас был в Херсонесе. Под колоннами. Слушай... Бросай ты все. Прилетай. Прямо завтра в город, а послезавтра ты езжай с утра в аэропорт, сейчас они полупустые сюда летят, там и билет купишь, или в трансгенство зайди, ну там, у метро, знаешь? Я встречу, я все устрою, где деньги на билет взять, ты же знаешь. Скинь мне только эсэмеской номер рейса. Поживем здесь хоть три дня, вместе и вернемся, винограда ребятам привезем, дынь... Людка... ты слышишь меня? Ну что ты молчишь! Я люблю тебя, родная. Я очень тебя люблю.

И в целом свете не было ничего важнее, чем эта влажная тишина в потрескивающей трубке. Что она сейчас ответит? Что?

Осторожно, двери закрываются

На большой пересадочной станции схлынула толпа, и они смогли увидеть друг друга. Мужчина с бутылкой пива в руке и женщина с большой клеенчатой сумкой – они сидели друг напротив друга, посторонние попутчики, взгляды которых случайно пересеклись. Бывает ведь так – сидишь в метро и внимательно рассматриваешь человека напротив, который тебе никто и ты ему никто. Развлечение вроде газеты.

Черт, пятнышко на брюках. Вчера даже не заметил. Отмечали-праздновали в отделе, ну, капнул немного. Так, теперь в химчистку, сам не отстираю... стоп, до получки еще неделя. Неделью так ходить? Или в светлые, новые переодеться? Нет, они парадные, их жалко, а джинсы драные, их на службу неудобно одевать. Да, жи-изнь... Не у всех, видать, такая. Вон сидит напротив – чистенькая, аккуратная, гордая.

Лицо той самой национальности. Типичная шахидка. Нет, а что, в самом деле? Кто знает, что у нее там в клеенчатой сумке? Килограмм десять пластида, наштигованных шурупами – запросто. Еще и в металлической оболочке. Дерни за веревочку – и на тебе вагон свежего фарша. Ну что, встать, рвануть стоп-кран, сообщить машинисту? Не-ет. Тут-то она точно дернет за веревочку. По-настоящему бы встать рядом с ней по-тихому, а потом резко так руки к сидению, чтобы не свела, не нажала, не дернула. Но люди все-таки смотрят, неудобно – скорее всего, померещилось.

Ладно, двум смертям не бывать... Они только этого и хотят, чтобы мы их боялись, вздрагивали при каждом их появлении. Не выйдет. Буду пиво пить. Нравится мне это название, кстати – «Чешский стандарт». Ну надо же такое придумать! Вроде, у чехов научились, сами будем теперь тут по-чешски жить. Похоже на то, кстати. Очень похоже.

Черт, третья бутылка за день. Лишняя, пожалуй. Жаль, в нашем метро не устраивают туалетов. Так и до дома не доехать. Впрочем, ладно – лучше пиво, чем наш русский антидепрессант. А напряжение сбрасывать как-то надо. По крайней мере, не наркота, и я это контролирую.

Всё она смотрит в упор. Злобно так. Что ей не нравится? А, пиво, наверное – не по шариату. Ну смотри, смотри. По шариату или нет – приехала к нам, изволь уважать наши обычаи. Нет ведь, не хотят. Вон, Машка рассказывала – в новом классе одни черные, лопочут на переменах по-своему, ничего не разберешь. А наглые! «Контрольную мне напишешь, да? Двадцать баксов плачу» – тоном, не допускающим возражений. Сопляк! А через пять лет будет ездить на джипе по московским улицам и также вот снимать девочек на ночь. Своя Фатима – ну вот как эта – у него для дома, для души, а наши девчонки – для развлечения. Сволочи!

И что говорят – «Детский мир, детский мир»... Ну, вот и побывала я в том детском мире. Дорого все очень! Чисто, конечно, выбор большой, да только не по нашему карману. Нет, лучше все-таки на рынок. Там всегда можно своих найти. Свои не обманут, не то, что эти.

Что он так смотрит на меня? Пил бы свое пиво. Я же его не трогаю. Я вообще первые дни в Москве встать хочу, когда в вагон метро входит мужчина. У них тут так не принято, чтобы женщина вставала.

Да вот какой это мужчина? Пьет пиво на виду у всех. Хорошо, что не валяется пьяный на полу, тут и такое бывает. Разве они уважают сами себя? Таких и другие уважать не будут. Да и девочки разве тут лучше, вот хотя бы эта, что стояла передо мной? Едва живот прикрыт, хриплым голосом смеется, прокуренным, как кавалер ее непристойные шуточки отпускает. А ведь не проститутка, в институте, наверное, учится. Не дай Бог мой Заур когда-нибудь такую

в дом приведет. Сразу разверну. Ведь и наши девчонки с них пример начинают брать, все им мерещится сладкая столичная жизнь. Только нам эта их сладость слезами отливается.

Глупые вы наши девочки, вы посмотрите лучше, как живет дядя Иса в двухкомнатной хрущовке с женой и тремя детьми. Тесно, бедно, а нас всегда ведь пускает, когда приезжаем, по-родственному. Расспросите его, сколько чужих домов он построил в этом их Подмоскovie, чтобы купить хотя бы такую квартиру? У них земли много. А им все мало. А зачем? Они же здесь все друг другу чужие, глотки друг другу рвут, а вот Иса – пустит четвероюродных родственников на свои тридцать метров. Жесткий у него все-таки диван, продавленный, первую ночь все уснуть никак не могла...

Что он устался? Регистрацию тебе показать, да? Я теперь умная, делаю регистрацию сразу, как приедем. Лучше один раз заплатить, чем потом каждому менту на каждом перекрестке. Мы тоже часть России, вы сами так говорите. Почему вы тогда нас ловите, как зверей? Вот остановит мент, толпа вокруг довольна: так и надо, гоняй черных! Понаехали тут, кто вас звал?

Все ведь люди, черные, белые... Что, не ясно им? Разве мы дома так разговаривали с русскими соседями? Жаль, что их мало осталось, но вот мы с Марьей Васильевной всегда душа в душу жили, все праздники вместе. Плохо, конечно, что ей пришлось уехать, я и мужу тогда говорила, что уж кого-кого, а ее не надо трогать, но и он не мог уже ничего сделать. У мужчин свои дела. Говорили, обстановка требует. Так что уехала Марья Васильевна, письмо даже прислала, что на новом месте ей хорошо, только по старому дому скучает. Ладно, что бывшее вспоминать, не без перегибов тогда было, но не так же...

Нет, с ними нельзя по-хорошему. Никак нельзя. Они понимают только силу и власть. Это они уважают, у них так от века повелось. Этих наших правозащитников, которые на американские деньги кричат о правах человека на Кавказе – их бы отправить туда! Туда, где находили зинданы для русских рабов. Пустые. Куда они самих рабов девали – не знаю. Убивали, уводили... Неважно. Кто после этого будет соблюдать права рабовладельца? Показать бы им тринадцатилетнюю девчонку-наложницу – что они с ней сделали, звери! Они ее и не заметят, правозащитнички, потому что русская. Русских – можно, этих – нельзя. Права человека, мать их. А вот когда им не права, а ствол в зубы, или хотя бы кулак под нос, тут сразу: не надо, уважаемый, мы мирные люди. Ага. Мирные.

Да ведь и сюда они приезжают – за тем же самым. На рынок пойдешь – даже если стоит за прилавком русская баба, все одно хозяин у нее – черный. Снимают квартиры, вон Серега рассказывал, как у них в подъезде – а там двадцать человек на десяти квадратных метрах, и творится не пойми что, только потом ни водопровод, ни канализация не работают. Одна семья поживет годик-другой, пожирует, уезжает домой – а на их место такие же, только голодные, с гор спускаются.

Да они же просто не знают, что такое цивилизация! Как были дикари, так и остались, что с ними не делай. Знают только одно: купи-продай, вот так и Россию всю скупают по дешевке, пока наши дураки чухаются. А через годик-два устроят нам тут цветную революцию, торжество прав американского человека, Россия – банановая республика, вон и пригодятся маргитки, бананы собирать.

Какие они здесь сытые, самоуверенные. Им все доступно. К чиновникам их без «портретов мертвого президента» в кабинет и не входи, и пойдешь объясни, что у тебя больной ребенок. Я что, на сникерсы-памперсы прошу? Что у них за государство, на все эти бомбы и снаряды деньги есть, а на простыни в больнице? Пули в нас бесплатно летят, а лекарства мы сами потом покупаем, да? Вот, вожу в вашу больницу, сумками.

Вот пьет свое пиво, а он знает, что такое война? Как рассказывала Малика... Что такое сидеть сутками в спертom подвале. Даже дети не просят пить, они знают, что утром за водой ушло двое мужчин и не вернулось. Не так страшно, что их убьют, они же мужчины, как страшно, что не оставят даже могил, не оставят ни памяти, ни чести. Наши мальчишки облизывают пересохшие губы и молчат, потому что они тоже мужчины и не имеют права заплакать. Эти, с пивом и баксами в толстых кошельках – что они знают об этом?

Это хорошо, когда у них взрывают дома и вагоны метро. Пусть они услышат нашу боль. Пусть почувствуют, что это такое, когда ты подбираешь в переломанных придорожных кустах обгорелый ботинок – и боишься опознать его. Пусть почувствуют, в самом деле.

Немного же нас осталось, тех, кто готов всему этому противостоять за нищенскую зарплату. Да что там зарплата, в ней ли дело... Обидно за державу. Ты отдаешь ей все, а получаешь – плевки. Ездил в эти командировки, потому что на оклад ведь семью не прокормить, а человеку в форме вагоны разгружать – не положено. Смешно сказать, сухпайки домой привозил. Новые – они очень даже ничего, вкусные, калорийные, Машке колбаска солдатская нравилась. «Папа, а ты когда еще туда поедешь?» Все, теперь уже не поеду. Отъездил. Кончилась солдатская колбаска, Машка, остался вон – «чешский стандарт». На всю нашу жизнь – чешский.

Возвращаешься и не можешь в первые дни выйти на улицу, трясет тебя: всюду эти, упакованные, наглые, бесстыжие, в полном порядке. Такие стреляли в спину и только в спину, такие кромсали на куски наших раненых. Пока была их власть – выгоняли на улицу русских стариков и насиловали девчонок. Они – мужчины? Падальщики, одно слово. Но тут я никто, тут я даже в морду дать им не могу. Потому, наверное, и пью. Надо бы бросить, на самом деле, что я как этот самый...

Но как тут бросишь? Вот она едет напротив и смотрит, и жжет своим взглядом. Это такие наводили на нас снайперов, или даже сами снайперили. Им все равно, что потом убьют и их, и их семьи – им рай гарантирован. Так что ничего удивительного, что на земле, на своей собственной земле они оставляют весь этот бардак, и нам его за сто лет не разгрести. Чешский стандарт. Нет, так и будет оно продолжаться, и выхода другого нет. Давить. Жестоко давить чехов – и там, и тут. Тогда, может быть, еще сколько-нибудь продержимся.

Зачем они все-таки пришли на нашу землю? Когда только поползла эта вереница грязно-зеленых машин, мы уже понимали, что идет беда, что без крови не обойдется. И беда пришла очень скоро, среди бела дня, я даже не поняла сначала, что так грохнуло, почему соседний дом осел... У нас в селе не было никаких боевиков, жили люди как люди – кому мы мешали? Почему нас надо было истреблять и в сорок четвертом, и теперь? Ничего, мы сильные, мы выстоим. Как мой Заур. Он почти не плакал тогда, он уже и тогда был мужчиной, он всегда будет им.

Хорошо, что нашелся тот московский доктор. Свет не без добрых людей. Не просто извлек пулю и зашил рану – дал свой адрес, телефон. Говорят, он по собственной воле ездил к нам в командировки. Мне было так неудобно звонить, но все-таки позвонила – устроил в московскую больницу на обследование. Жаль, что я больше не видела его, я бы много ему сказала. Теперь каждый год приезжаем. Экономим на всем, чтобы хватило на билет, берем плацкарту без постели – а еще тут плати, плати, плати... Может быть, это им, которые с пивом, все по карману, а как нам прожить? Заур же не может без врачей, ему надо и режим, и питание особое, а какой режим у нас, в нашей разрухе? Вон, той осенью только стекла вставили, спасибо, Хасан помог, не забывает родню, а то бы так и зимовали с полиэтиленом.

С ними нельзя по-хорошему, я же говорю, нельзя. Вон тот доктор, чужак, приезжал раз за разом на войну – спасать детей, говорил. Но если они сами подставляют своих детей под

удар – как их спасешь? Если они оборудуют в доме огневую точку, как смеют они жаловаться, что потом весь квартал сносят «точечным ударом», а заодно и пару соседних – ну такие уж у нас «точечные». Вот и ракета хоть и называется «точка», а все же это не скальпель, дорогой доктор, никакой не скальпель. Ключ на старт – есть ключ на старт – пуск – есть пуск – в уши врывается вой, и больше по губам оператора читаешь, чем слышишь: «ракета пошла». Да вижу, что пошла, слепой тут увидит.

И остается только надеяться, что никто там наверху не напутал с координатами – ни спутники на своей высокой орбите, ни агентура, продающая секреты оптом и нашим, и вашим. А уж гироскопы-то не подведут, и ляжет она в ту самую точку на карте, и хорошо бы в этой точке и вправду был бункер, или дот, или что у них еще бывает. А кто рядом, кто не спрятался – я не виноват. Было как-то, продвинулась линия, съездили посмотреть – как отработали. А что увидишь? Обгорелая яма, да ломаный бетон, да саманная труха, ни мертвых, ни живых. Кого там накрыло – расскажут нам только журналисты, если очень им будет нужна сенсация. Может, не только база, может, были рядом и дети, живой щит, приманка для журналистов. Выигрыш в любом случае: накроем – будут репортажи о зверствах федералов, не накроем – совсем хорошо.

Доктора того, рассказывали, потом захватили какие-то индейцы. Просили выкуп, но кто же за него заплатит, за чудака? В общем, нашли его труп где-то в горах. Вот и делай им после этого добро. Я убивал их, доктор, что ты мне на это скажешь? Я убивал людей. Я даже не видел их. Наверное, и таких, как эта, напротив. Они все на одно лицо, они все... Убивал. И что мне теперь делать, доктор?

Вон то селение, какой-то очередной «Юрт», и не запомнишь их названий. Колонна же просто шла мимо, никто не собирался их трогать. А чехи обстреляли колонну с тыла. Нужен нам ваш юрт как корове седло – а огневую точку в тылу оставлять нельзя, это азбука. В общем, без зачистки не обошлось. Доктор, доктор, кровью своих детей они покупали тактическую передышку – пока колонна разворачивалась, пока спешили, пока прочесали селение, бандиты решали кое-какие задачи по передислокации. Кого ты вытаскивал, доктор?

Пуля летит доля секунды, а детское тело исковеркано навсегда. Сколько же наших осталось лежать без могил вдоль железных дорог... Сколько похоронено в Казахстане... Сколько исчезло в эти две войны, и нет концов. А мы остаемся. Мы выживаем. Мы стоим на своей земле. И значит, мой народ прав.

Я навсегда запомнила глаза Заура, когда его принимал на руки тот офицер. Он смотрел с такой болью – и все же с надеждой. Мы выживем, мама, говорили глаза, и ты поздравíš меня на моей свадьбе, ты будешь качать внуков, все будет хорошо. Его погрузили в боевую машину, и я испугалась, что больше никогда его не увижу живым. Увидела. Спасибо тем добрым людям, которые среди крови и грязи спасли жизнь ребенка. Спасибо доктору, спасибо этим военным, они сразу взяли его к своим раненым и довели. Все-таки довели.

Или тот пацаненок... Как смотрела его мать, как протягивала его нам: глядите, мол, что вы сделали! Дура, хотел я сказать, ты посмотри, откуда стреляли, это же не наша пуля. Тем более, мы сами не пехота, автоматы – не наше оружие. И вообще, не стреляли бы в нас – не стреляли бы мы. Не приходили бы от вас к нам все годы вашей «суверенности» – не пришли бы к вам и мы.

Я не стал тогда ничего этого говорить – бесполезно. Просто позвал Леонтьева, приказал доставить мальчика в госпиталь – все равно надо было везти двоих с нашей батареей, одного зацепило прошлой ночью из подствольника, второй обожрался чем-то, из сортира не вылезал. Но эти-то могли подождать, а с мальцом, конечно, было плохо. Надеюсь, привезли его вовремя – проникающее в брюшную полость, это не шутки.

Потом передали, что все же сдали его по назначению. А подробности рассказывать некому: на обратном пути налетели на фугас, Леонтьев двухсотый, а с ним прапорщик какой-то был, не наш – без ступни остался... Нет, делай им после этого добро, а? А все-таки, все-таки... вспоминаю иногда глаза того парнишки. Хорошо бы он остался в живых. Хорошо бы. Слишком много было бессмысленной крови, никаким антидепрессантом не зальешь.

Они вышли на одной станции, но в разные двери – не сговариваясь, поднялись, разошлись, не оглянулись. Они так и не вспомнили о прежней своей встрече – тогда все было другое, у них на руках был раненный ребенок, им было не до того, чтобы запоминать лица.

Тихое и безмолвное житие

Они уже намаялись в электричке, и так радостно было выпорхнуть на заснеженный перрон, вдохнуть холодного воздуха, сразу захотелось шалить и смеяться.

– Таська, дай я тебя поцелую!

– Ага, у некоторых только одно на уме, – с притворной обидой сказала она, но развернулась к нему, сочно впечатала поцелуй, на несколько секунд короче, чем хотелось, а потом сделала строгое лицо:

– Ну все, все, Денис. Хватит. Будем серьезными. Молодой человек едет знакомиться с родителями барышни. Теперь нам на автобус. Тут тебе не Москва, тут все иначе.

И в самом деле, ее бежевая потертая шубка почти светилась среди тяжелых пальто, пуховых деревенских платков, китайских нейлоновых курток.

– Ну Таська!

– Хватит, хватит, потом. На автобус опоздаем! Батюшка заругает, – хихикнула она и снова надела серьезную-серьезную маску. Игра, или на самом деле так?

Нравилось Денису сочно перекачивать во рту ее имя. Ему она сразу так и запомнилась – именем. Не Таня и не Ася – Тася, новое, незнакомое, чудное. Когда на той вечеринке к нему шагнула девушка с каштановой косой и сказала «Таисия» – словно протянула на ладони хрустальный шар, внутри которого клубилось что-то синее, неземное. Он сперва не понял: «таись, и я...» Кажется, тогда так и переспросил: «и что?» Девушка в ответ рассмеялась: «И ничего! Таисией меня зовут, Тасей». «А я Дэн», – растерянно отозвался он, – «ну, полностью Денис». «Денис? Дэн...» – она распробовала кончиком языка эти слова, как новое блюдо из чужих краев. И больше никогда не называла его Дэном, только – Денис.

Тогда они еще только познакомились. Он не пошел ее провожать, был кто-то другой. Роман начался позже, с другой вечеринки. В круговерти лиц и бутылок он снова выхватил этот хрустальный шар, подсел к ней, начали разговор как будто от нечего делать – и вдруг стали говорить, говорить, говорить... Оказалось, что оба как раз тогда читали «Хроники заводной птицы» Мураками, и оба, насладившись кусочком, оставляли книгу на пару дней, чтобы переварить проглоченный кусочек и успеть соскучиться.

Она начали встречаться – и во время этих свиданий открывалось все больше вещей, на которые смотрели одними и теми же глазами. Они бродили по Москве или сидели в его однокомнатной квартире, доставшейся в наследство от деда, и говорили, говорили, говорили... Иногда целовались, но – не более. Тася позволяла какую-то долю объятий, достаточно невинных. Они могли прижиматься друг к другу телами, но если его рука мягко сползала с плеч, чтобы исследовать ее тело – она так же мягко отстранялась. И было в этом, как и в имени, что-то старомодное, притягательное, когда для тысячи других девчонок постель с третьего свидания – без проблем.

А потом начинал клубиться синий туман в хрустальном шаре, и Тася пропадала на неделю или две. Нет, речь не шла о поездках к родителям, довольно редким и всегда непродолжительным, или о маленьком путешествии в ее студенческие каникулы (они никогда не ездили вместе, только мечтали о таком – ведь у Дениса была работа). Тася оставалась в Москве, брала трубку, получала эсэмески и имейлы, даже порой отвечала на них, но как-то рассеянно, и после пары нелепых и скоротечных обид Денис понял: лучше ее в такие моменты не трогать. Потом она звонила сама: «Дениска, я соскучилась! Чего не звонил?»

Бесполезно было объяснять, что звонил только вчера, и даже застал дома, но – не вышло поговорить. И он отвечал: «И я ужасно соскучился, Таська, давай... давай сегодня вечером... а просто погуляем по Красной площади?» Она только смеялась в ответ, значит свидание было

назначено. Чем нелепее место, тем лучше. Клубящийся шар нырял в сырой воздух московской зимы, в котором можно было гулять и целоваться. А главное – говорить.

Так они узнавали друг друга. Единственный сын из интеллигентской семьи, замкнутый, неловкий, как он сам думал о себе, менеджер по продажам в одной из бесчисленных мелких торговых фирм – и студентка филфака МГУ, дочь священника из деревни во Владимирской области. Четвертый ребенок из пяти, и у всех такие же странные и звучные имена: Глафира, Пелагея, Серафим и Давид.

– По святам, что ли, называли вас родители? – предположил Денис, когда услышал эти имена.

– Не совсем, хотя иногда да, – ответила Тася, – просто родители хотели назвать нас старыми именами, какие нечасто теперь встретишь. Ну посуди сам – разве не надоест, когда каждая девчонка Маша, Наташа, Аня или Света? А тут: Гла-фиии-ра... Звучит-то как, а?

– Но лучше всех: Таисия!

– Ага, – просто согласилась она, – а вот мои родители – просто Андрей Иванович и Татьяна Петровна. Даже смешно, да?

– Они же, наверное, из другой среды?

– Ну да. Папа физик по образованию, мама – искусствовед. Он бросил все, работу, науку – а он ведь был кандидат наук, и достаточно перспективный! – и ушел в семинарию. Познакомились, когда мама приехала к ним в Загорск изучать раннехристианское искусство. Там есть такой кабинет, церковно-археологический, туда только своих пускают – ну, она как-то договорилась, ее пустили, дали его в провозатые. Так и познакомились. Потом и она бросила свой институт исследовательский. Они специально хотели, чтобы поближе к народу, в деревню. Но ты знаешь, у нас все было. Я никогда не чувствовала себя деревенской девчонкой. Мы много путешествовали, когда летом, после Троицы, он брал отпуск. нас часто возили в Москву, во Владимир... а летом в деревне такая речка! лошади, грибы, ягоды... Сказка. Моим бы детям такое детство.

И у Дениса, который нечасто бывал в церкви, сразу всплыла в воображении картинка: статный священник в полутемном храме выговаривает звучные слова молитвы. Вспоминалось слышанное однажды: «тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Вот так, наверное, и жили: во всяком благочестии. И чистоте.

А теперь они вдвоем ехали к тасиным родителям – знакомиться. Другие дети тоже разлетелись – Серафим служил офицером на подводной лодке, Пелагея была замужем за питерским художником, а остальные учились в Москве. И эта чета жила в своем домике все в той же владимирской деревне, как корнями в землю вросли. Даже не сказать, что жили вдвоем – столько всегда вокруг них было народу, рассказывала Тася. Вот едешь родителей проведать, и даже еще не знаешь, с кем будешь сегодня за одним столом сидеть.

На привокзальной площади Тася сразу отыскала нужный автобус, он уже собирался отходить, и драповая, пуховая толпа внесла их в салон, где все дышало другим, немосковским духом.

«За проезд готовыте», – немолодая тетка пробивалась сквозь толпу, а толпа расступалась, охая, выдыхая перегаром и чесноком. Забились в дальний угол, у заднего окна, и молча смотрели, как тают в редком снегопаде придорожные столбы и неровные сугробы...

Тася молчала, готовилась к встрече, словно вспоминалась, вырастала в ней другая Тася. Деревенская девочка. Дочь священника. Маленькая, с лукошком ягод, что кормит черной соленой горбушкой жеребенка на лугу. И тут Денис наконец-то решил. Нагнулся к розовому ушку, зажатому вязанной шапочкой, и громким шепотом сказал:

– Таська, я... я работу потерял. Вчера.

Она развернулась, и выдохнула:

– Уволили?

– Вышибли, как пацана сопливого. Сказать кому, не поверят... Полтора года на них батрачил, как папа Карло, отпуск брал лишь один раз, и то на две недели... А тут – одна ошибка, и то, разобраться еще, моя ли.

– Несправедливо, да, Денис?

– По их понятиям – справедливо выходит. Контракт у них сорвался, говеный такой контрактишко. (Тася слегка поморщилась от грубого слова). Надо было им, что ли, зло на мне сорвать... Как щенка на мороз вышибли.

– Да... Понимаю... – Тася отвернулась к окну, и продолжила – а морозы крещенские в этом году все-таки пришли. Такой декабрь теплый, а вот крещенские – пожалуйста. А теперь опять тепло, уже к весне, что ли, повернуло?

И вдруг он понял, как выглядят все эти его проблемы здесь, в стылом деревенском автобусе, на фоне развалившегося колхоза, померзшей картошки, да зятя Витьки, что вернулся с зоны, да ненадолго, видать, задержится... Вот о чем спокойно и даже как-то безнадежно говорили пассажиры вокруг. И он не стал продолжать. И Тася молчала.

Так и добрались до большого села, прошли по деревенской улице, и с замиранием сердца увидел Денис большой бревенчатый дом за высоким забором, с гаражом, сараем – все всерьез, надолго, основательно. Зазвенел звонок, и вышла на крыльцо статная женщина в годах, с волевыми и тонкими чертами лица.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, здравствуйте! Тася, милая, вот хорошо! А у нас как раз отец Дмитрий в гостях, и Галина Семеновна, ну, библиотекарь наш! Вот батюшка-то обрадуется. И ужин как раз поспел! А Вас как зовут?

– Денисом, мама, я же тебе говорила.

– Дионисий, стало быть! Здравствуйте, Дионисий. Ну, проходите, проходите.

А в прихожей встретил их и отец Таси – высокий, плотный человек с монументальными чертами лица, длинными черными волосами с проседью. И Тася подошла, сложив руки лодочкой – под благословение. И лишь потом обняла, поцеловала... Подошел под благословение и Денис.

Повели их в кухню, где уже сидели за круглым столом грузная немолодая женщина и еще один священник, юный с реденькой черной бородой и тонким, каким-то даже прозрачным лицом. Тася взяла благословение и у него, за ней повторил в точности и Денис. А про себя усмехнулся: батюшка-то мой ровесник, если не помладше! Ну какой он мне отец? Вот Андрей Иванович, Тасин папа – это да, за версту видно, что батюшка. Такого трудно представить себе, скажем, на пляже или в магазине. Он как памятник, только живой.

– Ну, дочка, рассказывай, – прогудел отец Андрей.

– Все в порядке, пап, сессию вот сдала.

– Без троек?

– Бе-ез, – протянула она голосом прилежной школьницы, у которой по субботам проверяют дневник, – я же звонила вам после каждого экзамена. У меня вон и четверка только одна, по диалектологии! Эту диалектологию на пять вообще мало кто сдает. «У нас в Рязани грябы с глазами – их ядят, а они глядят» и все такое прочее.

– Ну молодец, солнышко, – мамин голос заметно потеплел, – а еще что новенького?

– Да ничего, мамочка, я же звоню вам все время. Вот, Дениску с собой позвала, вам показать.

У парня ощутимо покраснели уши. Тоже, что ли, рассказывать придется, как он учится?

– А вы чем занимаетесь, Дионисий? – пропела мама.

– Я... я в торговле. Электроникой торгуем.

– А, торговля, – мама и не скрывала своего разочарования.

– Ну что же, купечество – издавна опора страны, – вступился отец Андрей, – ничего, пройдет время, поднимутся наши новые Морозовы да Рябушинские...

– Которые большевиков выкармливали, что ли, – парировала мама.

– Может, и не без этого, – печально вздохнул отец Андрей, – да кто ж из нас без греха! А вот собери-ка нам, матушка, покушать, да и сядем, благословясь. А ты помоги, дочка.

Тася легко и уютно запорхала по кухне, доставая то ножи, то тарелки. Сразу видно, что оставалось тут все, как было заведено в ее детстве. Мама сняла с плиты сковороду, в которой аппетитно шкворчала капуста с мясом, открыла кастрюлю с картофельным пюре, быстро разложила еду по тарелкам. Молодому священнику положила только картошки:

– Это вам, отец Димитрий, здесь без мяса. Вон, грибочки на столе, огурчики. А нам капуста с гусем, только вчера бегал. Наедайтесь-наедайтесь, уж и до Масляной недалеко...

– Димитрий иеромонах, мяса не ест, – на ухо шепнула Тася.

– Ну что же, по единой, ради знакомства? – огладил бороду отец Андрей, достал из холодильника запотевшую бутылку водки, а Тася расставила граненые рюмочки. Себе не поставила.

– Что же, помолимся, – пророкотал отец Андрей, встал, неторопливо перекрестился, – Очи всех на Тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремени...

Помолились, сели за стол, выпили по единой – хороши оказались деревенские грибочки! И потекла беседа.

– А нам вот в библиотеку местный коммерсант деньги пожертвовал, на приобретение литературы, так что благодарствуем ему, коммерсанту. И еще по гранту Сороса мы регулярно получаем журналы, – продолжила тему сидевшая за столом женщина.

– Журналы-то, небось, такие, какие в руки лучше не брать, – печально отозвался молодой священник, – от Сороса-то!

– Да нет, батюшка, «Новый мир», и другие литературные, – ласково ответила библиотекарша.

– Светская-советская литература? Знакомо. Ох уж, и тут этот Сорос! Скупает у нас мозги подешевле, продает на Западе подороже, а мы, бедные, и не чувствуем, зачем все это. А он нам зато журнальчики.

– Ну, не скажите, – неожиданно вступился Денис, – у меня вот приятель три года фактически на его гранты жил. Молодой ученый. И никуда он не уехал. Кандидатскую зато защитил, статей написал немеряно. А кто бы ему деньги платил в России? В академических институтах зарплата меньше ста долларов, молодым и пятьдесят не всегда достанется, и то нерегулярно. А он платил.

– Ну, копейку заплатил, на рубль украл, – не сдавался молодой иеромонах, – это же он нам обвал рубля устроил.

– Как так можно! – непритворно удивился Денис, – при чем тут Сорос, все дело прежде всего в спекулятивных ценных бумагах, в дутом курсе доллара, некомпетентной экономической политике... – и хотел бы еще добавить, что не учит он этого батюшку, как в колокола звонить, так и ему нечего другим объяснять, в чем они много лучше него разбираются. Но, конечно, промолчал.

Но тут вступился отец Андрей:

– Да и вправду, что нам, отче, ругать иностранцев, когда и русский наш народ погряз в атеизме и пьянстве. Выше быта и нос не кажет... Что мы русские, что нерусские – уже все равно стало. Вот, меня недавно послали проповедовать перед солдатами. Я им и говорю, ради примера, что вот в государстве Израиль никогда не будет мира, потому что Богу не угодно создание этого государства. Так ведь и по Писанию выходит: «оставляется вам дом ваш пуст».

– И по Преданию, – подхватил отец Димитрий, – тоже явствует из многих пророчеств и из истории, что роль богоизбранного народа перешла теперь к русскому...

– Только достойны ли мы? На себя если посмотреть? – ответил отец Андрей, – Так вот, ко мне после выступления подходит солдат, и начинает спорить, и цитаты библейские приводит, да все из Ветхого Завета. Утверждает, что избрание Израиля никем не отменено. Я удивился, кто такой? Православный, спрашиваю? Православный. А по национальности? Еврей, говорит. Вот и выходит, что у них даже крещение не отменяет этой родовой спайки, такая у них она крепкая. А у нас что русский, что нерусский, безразлично нам. Друг друга не бережем, не поддерживаем. Куда уж нам других поучать. Сами в своих бедах виноваты.

– И то верно, – отозвалась матушка, – вот, представьте, мы тут детский дом один опекаем. Километров за двадцать отсюда, построили, негосударственный, тоже денег кто-то дал. Батюшка и уроки Закона Божьего там ведет, и перед администрацией, если надо, заступится, а иной раз и подкинуть чего приходится, продуктов или...

– Мать, ты о добрых делах-то не труби, – перебил отец Андрей.

– Да, батюшка, о худых-то трубят и без нашего, враг-то не дремлет, а не будет худых, так выдумают. То, вот, пустили сплетню, что машина мол, у батюшки слишком дорогая. А на ней до нас уже пять лет ездили, а что иномарка, так по нашим дорогам жигули не пройдут. Так и ту ведь подарил один благотворитель. И не на пьянки-гулянки ведь – на крестины, отпевания по всей округе ездить приходится.

– Матушка, матушка, не о том ты...

– Да вот, говорю, детский дом семейный. Хорошо там детишкам, за ними уход, и все-таки приближено к домашним условиям. Слава Богу, и людям благодарность, что взяли на себя такой труд! Так ведь послушать историю каждого ребенка – никаких сказок страшных не надо. При родственниках, соседях, иной раз и при живых родителях, росли, что Маугли в лесу. Хлеба и то не каждый день ели. И таких в каждом районе – по целому детдому. То есть каждый год десяток-другой вот таких сирот на район набирается. Даже после войны такого не было, а теперь...

– Последние времена, последние, – вступился отец Димитрий.

– Этого нам знать не дано, отче, – ответил Андрей, – две тысячи лет уже – последние. А много ли, мало ли осталось, не в нашей власти решать. Делай, что можешь, жизнь-то она короткая... Вот, в молодости, – тут он взглянул на Дениса с Тасей, – все казалось, успеется одно, другое, третье, а нет, ничего почти не успел, что задумывал. Мудрый был человек, настоятель наш прежний, отец Макарий, царство ему небесное (и перекрестился), он говаривал: делай только самое главное, остального не успеешь, и делай это сам. Не надейся, что другой за тебя сделает. Ну что же, отцы-братие, и сестры, еще по единой?

– Мне хватит, – скромно сказала матушка.

– И то верно, – подхватила библиотекарь.

– Ну, а мужчины могут, конечно, – поспешно добавила матушка, – на нас не смотрите, мы сосуды немогущейшие...

Выпили и еще по одной. Тепло разливалось в желудке, ударяло в голову, и такой вкусной оказалась эта капуста с гусятиной...

– Еще вам подложить, отцы, и вам, Дионисий?

– Да, пожалуйста, – он с готовностью протянул тарелку.

– А и вы нам рассказали бы чего, – обратился к нему отец Андрей, – чем дышит Москва, что молодежь подельывает?

– Да... – замялся он, не зная, с чего начать... – живем, работаем, крутимся. Трудно сейчас... но интересно все-таки.

– Жить, оно всегда трудно, когда легко-то было, – понимающе сказал отец Андрей, – Ну, а вот в среде столичной молодежи какие идеалы? Не верю я, что только доллары да красивая жизнь, как иные говорят. Душа, она всегда высокого ищет.

– Это верно, – сказал Денис, – сейчас вот, например, модно читать не Донцову, а Коэльо, хотя лично мне он не нравится, или Мураками.

– Коэльо? – удивленно спросил отец Димитрий.

– А я пролистала одну вещь, – отозвалась матушка, – оккультный запашок есть.

– Может, и показалось, – примиряюще сказал отец Андрей, – жалко вот, Лескова нынче читать не принято. Какие яркие вещи у него! «Соборяне» одни чего стоят. Понимал он русскую душу, русскую жизнь.

– Изменилась эта жизнь, – неожиданно для себя самого сказал Денис, – а Лескова я читал. «Очарованный странник» очень мне понравился. Только... как из музея это все. Иное.

– Иное и есть, – вздохнул отец Андрей, – ретрограды мы, ретрограды никчемные... Да вот, отче, – обратился он к молодому священнику, – ты давеча какой вопрос-то задавал, как гости пришли?

– Про чин крещения, батюшка, – с готовностью отозвался тот, – посмотрел я тут молитвы в дониконовой редакции, как и поныне старообрядцы читают, и, сказать по правде, выходит там лучше. Понятнее как-то, а то в моем служебнике дореволюционном: «ниже да снисдет с крещаемым, молимся Тебе, дух лукавый». Как соблазнительно-то звучит! А у них: «Молимся тебе, Господи, ниже да снисдет с крещаемым дух лукавый». Хорошо и понятно. Или вот еще: «Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедый в мир и вселивыйся в человецех». А там: «Запрещает ти, диаволе, Господь наш Иисус Христос, пришедый в мир и вселивыйся в человецех» – ведь куда лучше, батюшка! Может, так и нам читать?

– Погоди, погоди... если бы было обращение к духу лукавому, стояло бы не «дух», а «душе», это же понимать надо...

– Так-то оно так, но народ-то у нас, сам знаешь, славянскому не навыв...

– Ну-ка, скажи еще раз, как там, в дониконовской...

И они погрузились в свою профессиональную беседу. Они напоминали Денису двух программистов, которые поймали глюк и решают теперь, как ловчее поправить, чтобы ничего не испортить. И он подумал – может быть, сказать теперь про свое увольнение, или нет? Только что им сама его работа – менеджер по продажам... Тут и слов таких не знают. Скажут, поделом тебе, купец незадавшийся. Не нужен такой жених нашей дочери.

Пока размышлял, перешли к чаю. И текла, текла своим руслом, веками, если не тысячами лет, промытым, ясным, очищенным, беседа священников... Тихое и безмолвное житие. Соваться ли со своими проблемами? Неудобно как-то. Хорошие ведь они, в сущности, люди... А отец Андрей уже отодвигал пустую чашку:

– Ну что же, чайку попили – и за молитовку? А потом и отдыхать. Тася, как в старые добрые времена, соборне... Благодарим Тебя, Христе Боже наш...

Зашелестели слова молитвы, в благодарность за трапезу. Распростились в прихожей с гостями, а потом вся собравшаяся семья, и Денис с ней, прошла в гостиную, где перед большим иконостасом встали полукругом – все, кроме Дениса, на знакомые издавна места, – и отец Андрей начал читать вечернее правило. Слова звучали тяжеломерно, но ложились быстро. Долгие, долгие годы читал отец Андрей эти молитвы, и смысл каждой из них был ему ясен до донюшка. К каждому из них он примерял свой быт, свою совесть, свою жизнь. А Денис выхватывал только отдельные выражения: «да воскреснет Бог и расточатся враги его...» Но про тихое, безмолвное житие – ничего на сей раз не было.

А потом стали расходиться. Денису отвели комнату, где когда-то жили мальчишки.

Задержавшись в гостинной, Тася вдруг пристально посмотрела на гвоздик, вбитый в дверной косяк:

– А вот здесь висел ремень.

– Ремень? – Денис усмехнулся, – и часто вас?

– Редко. Действительно редко. Гораздо реже, чем заслуживали. А вот в одной семье было три ремня: черный – для постных дней, коричневый – для обыкновенных, и красный – для праздников. Представляешь, в праздники! А у нас в праздники никого не наказывали, даже если виноват. И вообще, родители нас любили, это главное! Ладно, поздно уже. Давай спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.